

Ехал и будто впервые думал: она ведь одна... ведь не может не хотеть... ведь мастурбирует как и я... — Простая до обыденности мысль! Но прежде она лишь витала: теперь вдруг такую явью и волнующей простотою встала... И то, что безумно хочу её как мужчина.

Тот день наконец-то был для меня выходной. И Полинка с утра щебетала: купаться! мы поедем купаться! Ты же обещал. и ты же мама!

У реки было столпотворение. Солнце, казалось. пепелит и весь берег кишел в воде, крики, смех и свежий от воды воздух... Полинка ежеминутно: — Ну, что же вы?! Куда мы все идем... ? Оля шла молча. вспотела в подмышках как, впрочем, и я... — Пап, тут столько людей... давай найдем потише... Полинка, замолчи, а то вернемся!. — говорила изредка дочь.

Ну вот. Почти никого... кусты густые, вода рядом. И Полинка, не дожидаясь, пока Оля осмотрится, скинула сарафан. потом вдруг трусики и в воду — Полина! ты что! одень трусики!... — как прокричала Оля. — да ладно, мам, мы же свои! и нет тут никого! айда купаться!!...

Оля расстелила полотенца, попросила: пап, ты её одну не пускай!... глубоко вдруг! И я, раздевшись, до плавок к Полинке. Она ухватила за руку и с гиканием в воду!

— Мам! мам! иди скорее к нам! так хорошо... — кричала Полинка. А я, хоть и не показывая вида, все же как-то был смущен: шесть с половиной девочке! ведь не три-четыре же... вода здесь была прозрачной и её тело вовсе не было скрыто... ныряет, а вся её попка наверху... — оглянулся, а Оля так и сидит. Не раздевшись. Уткнувшись лицом в колени.

Завытаскивала и зараздевала её Полинка... — Ну хватит здесь сидеть! Купаться же пришли!... Ну, мам, ну здесь же не аквапарк, где ты стесняешься... тут мы одни!

*** Странно все было... я старался не смотреть на них... плавая, ныряя. Но волнение не отпускало, оно словно рвало... — увидеть, наконец-то Олю, мою хорошую и любимую Олю!... слыша какбы приглушенно: — да ладно, ты беги купайся... я не буду... купальник какой-то не тот купила.. — мам, да что ты! красивый у тебя купальник! и ничего там не видно же! ты же те волоски что торчали сбрила...

Полинка словно маленькую её вела к воде. Оля ступала осторожно и, вся красная, смотрела себе под ноги... Я посмотрел и горячо отвернулся: все, что привык видеть в ней в домашем халатике, платьях, юбке — их не было!!! а были огромье ляжек, живота и груди под обтянутой материей. И все дрожало, подрагивало, как-бы оттеняя тело и его крупность и его рослость и его такую зрелость! а груди колыхались в такт её шагам. Колыхались дынями. Да такими большими... — я как онемел, как словно когда-то мальчик впервые увидевший зрелость женщины... Все было как нечто, как не со мною... Солнце, плеск воды, голая Полинка и медленно приближающаяся Оля. Такая, о боже! И заспасала лишь вода: мой член так и зарвался из плавок...

Нет, я не понял сначала! — но вдруг мальчишеское хи-хи!! и сдавленное: — Во! Во! Генка, смотри!! девка то голая... а баба то, во жопастая!... Вооо, дылда то! Ой, смотри, а ноги-то какие волосатые... умора! — я резко повернулся, Полинка закрывала письку и присела, а Оля вся застыла, побледнела... вдруг побежала в кусты. Я крикнул: А ну пошли отсюда! Мальчишки рванули. И, убегая, хихикая: — Кабыла! Волосатая кобыла!... мужик, раком её ебешь?!! Полинка быстро накинула трусики. Из кустов услышал: Оля плакала. Плакала как-то

сдавленно, что-то, срываясь, шепча... Вокруг стало тихо. И я слышал как Поинка стала успокаивать мать: — Мам, Мам... ну что ты... дураки они!... дубины!... пойдём купаться, больше не придут! айда. мам! айда дядь Вить... ой! крем-то, забыла! дядь Вить, намажешь?... я сама, а ты маму!...

Оля лежала на животе. Я говорил ей, чтобы отвлечь, дурацкий анекдот, стал говорить о работе и как там у неё... Поинка уже плескалась. Оля вся как расслабилась и утихла плакать. Её плечи. Теплые, белые... я просто боялся касаться их. И смотреть на всю её. Здесь, так рядом. Здесь, так близко!!! и вдруг ладонь сама по себе на её спину. И нежно, нежно, так нежно и трепетно по ней, такой упруго-теплой, бело-белой заскользил. Запридыхался весь и зашептал: — Помнишь, мои пальчики они человечки... они путешествуют по тебе... ?

Помнишь... ? — Помню... все помню... я так любила тогда, когда они путешествовали... папа... я правда такая уродка? да ведь пап?... не говори, я знаю... все я знаю... ой! как приятно, папка! пусть они еще там попутешествуют... да. да... так... И, словно не я, не мои, а чьи-то руки развязывали осторожно бантик завязки её бретельки лифчика. В игре, в словах человечков, дрожа, забыв о дыхании и она: — ты только не смотри...